

УДК 94(37)

В.А. Квашин

Вологодский государственный университет

РИМСКАЯ FAMILIA В ОТРАЖЕНИИ ЗАКОНОВ XII ТАБЛИЦ (К Filipp.II.28.(69) Цицерона)

В статье анализируется одна из статей Законов XII таблиц, посвященная процедуре развода. В связи с этим исследуются ключевые моменты, связанные со спецификой римской фамилии, имущественным положением женщины в браке, семантикой ключа (*clavis*) и дома (*domus*). Особо отмечена жанровая специфика источника, который лег в основу 3-й статьи IV таблицы Законов XII таблиц.

Древний Рим, римское право, Законы XII таблиц, *familia*, семейное право, Цицерон.

Традиционно при изучении курсов истории древнего мира и государства и права зарубежных стран в рамках семинарского занятия проводится анализ Законов XII таблиц. Справедливо считается, что эти законы, представляющие собой первую запись норм квинтского права, являются ценным источником, позволяющим охарактеризовать различные стороны общественного бытия раннего Рима. Вместе с тем, толкование тех или иных норм Законов XII таблиц является достаточно сложной задачей, требующей как определенных навыков работы с источниками, так и знания особенностей организации частной и публичной жизни в древнеримском обществе. В данной связи остановимся только на одном примере, проанализировав содержание четвертой таблицы, которая обычно привлекается для характеристики семейного права в раннем Риме. Как принято считать, эта таблица была полностью посвящена семейному праву. Среди содержащихся в ней правовых норм обращает на себя внимание 3-я статья, описывающая процедуру развода «по-римски».

В русском переводе она звучит следующим образом:

[Пользуясь] постановлением XII таблиц, приказал своей жене взять принадлежащие ей вещи и, отняв у нее ключ, изгнал [ее]).

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что имеющийся в нашем распоряжении текст Законов XII таблиц является современной реконструкцией, в общих чертах созданной немецкими учеными XIX в. М. Фойгтом и Х. Дирксеном [1, с. 43; 2, с. 109–110]. Исходным материалом для нее послужило собрание цитат Законов XII таблиц и комментариев к ним, извлеченное из сочинений древних авторов. В данном случае мы имеем дело с цитатой из «Филиппик» Марка Туллия Цицерона, римского автора I в. до н.э. (II.28.69). Следует также учитывать, что при систематизации и анализе данных античной традиции историки и юристы Нового времени исходили из соб-

ственных представлений о раннем римском праве, «навязывая» реконструируемому источнику свою логику построения и организации правового материала. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к интерпретации содержания статьи 4-й, по мере возможности избегая переноса уже имеющихся у студента представлений о семье и семейном праве на источник.

Понятый буквально, текст создает впечатление тиранической власти деспота-мужа, который изгоняет свою жену, забирая у нее ключи от дома и выбрасывая ее вещи на улицу. Отталкиваясь от привычных для него отношений, студент зачастую проецирует свое видение семейных отношений, в том числе характерных для наших дней, на римскую фамилию, которую зачастую воспринимает как аналог современной семьи. В реальности, однако, ничего подобного современному семейному праву в Риме не было. Сам термин «*familia*» не передает современного понятия семьи, более того, подобного термина в латинском языке не существовало [3, с. 75]. Моногамная форма семьи и общее индоевропейское происхождение свадебной и брачной обрядности создают определенное сходство этих социальных институтов в римском и современном обществе, хотя этим сходством не стоит обманываться. При всех спорах относительно происхождения и семантики слова *familia* большинство исследователей признают, что данный термин обозначал совокупность лиц и вещей в пределах домохозяйства (*domus*), находящихся под властью главы семьи [4, с. 18–19]. Показательно, что термин «*pater familias*», который буквально означает «глава семейства», в русскоязычной юридической литературе по традиции, возникшей еще в дореволюционный период, переводится как «домовладыка». Власть «домовладыки» над имуществом и лицами, составлявшими фамилию (*patria potestas*), была с точки зрения права абсолютной, в связи с чем ничего похожего на режим совместной семейной собственности в римской «семье» просто не могло быть. Право собствен-

ности «домовладыки» распространялось не только на землю, дом, рабов и скот, но и имущество свободных лиц, находившихся под его властью.

При этом не стоит спешить в выводом о бесправном положении женщины в древнем Риме. В римском обществе положение человека в первую очередь зависело от статуса гражданства (*status civitatis*), описывавшего сумму прав и обязанностей, которые в своей совокупности указывали на то место в социальной структуре, на которое мог претендовать данный индивид. Наличие римского гражданства автоматически ставило лицо в привилегированное положение, гарантируя всю полноту прав и свобод. Женщины составляли особую группу внутри коллектива римских граждан, поскольку, обладая правоспособностью, они были лишены публичных прав (*cives sine suffragio*). На практике это означало, что женщины не платили налоги и подати, не несли воинскую повинность и не могли участвовать в политической жизни, поскольку не обладали правом избирать и быть избранными в органы власти. В области частного права также существовали определенные ограничения в части распоряжения принадлежавшим им имуществом, однако в целом можно говорить о том, что с точки зрения права женщина, имевшая права римского гражданства, была полностью правоспособна. В области семейного права это проявлялось, в частности, в том, что она не могла быть принуждена к вступлению в брак, поскольку осознанное желание лица состоять в семейных отношениях, выражавшееся в его согласии, было необходимым условием действительности брака.

При этом право предоставляло женщине возможность выбора, от которого зависело ее дальнейшее положение в семье. Заключив брак, она могла перейти под власть мужа (буквально – «под руку» (*cum manu*)), становясь подвластным лицом, что уравнивало ее с точки зрения права с собственными детьми. Структура римской фамилии предполагала наличие лишь одного правоспособного лица (*persona sui iuris*), в силу чего положение подвластной жены уподоблялось положению ее собственных детей, поскольку все они находились под властью домовладыки. По образному выражению источников, жена оказывалась на месте дочери (*in filia loco*), выступая в качестве его «законной» наследницы [4, с. 40]. В результате в силу логики агнатского родства жена могла наследовать имущество умершего супруга вместе с его ближайшими родственниками. Пребывание в подвластном состоянии имело исключительно юридические последствия и никак не влияло на свободу действий супруги, поскольку римское право предоставляло ей возможность развода как двустороннего, так и одностороннего, максимально упрощенного с точки зрения формальностей и не требовавшего обоснования.

В том случае, если супруга не желала переходить под власть мужа (например, когда размер принадлежавшего ей имущества превышал объем собственности ее брачного партнера), она вступала в брак в форме *sine manu* (буквально – «без руки»). Юридически это означало, что жена находится вне фамилии ее супруга, с которым ее связывали лишь узы брака, а с детьми – природное «когнатское» родство. Таким образом, хотя унитарный режим семейной собствен-

сти, вероятно, был нормой для раннего Рима, уже в предклассический период получила распространение такая форма брака, как *sine manu*, не требовавшая перехода собственности жены под контроль мужа. При ней жена оставалась под властью своего отца – домовладыки, а после его смерти становилась независимым лицом «своего права» (*sui iuris*) с имущественными правами, практически равными мужским. Специфика ее положения заключалась в том, что, даже будучи лицом *sui iuris*, женщина получала опекуна (*tutor mulieris*), чье одобрение требовалось при совершении крупных операций с собственностью, хотя в реальности этот контроль часто был чисто формальным. Как результат, женщины обладали существенной долей общественного богатства. По самой скромной оценке в их руках находилось не менее четверти всей собственности в Риме эпохи раннего Принципата, хотя в реальности, как уверены некоторые исследователи, эта цифра была значительно выше [5, р. 87, 96–97].

Требование забрать свои вещи, присутствующее в разбираемом отрывке, лишь на первый взгляд выглядит проявлением патриархального характера римской фамилии, где вся власть принадлежала главе семейства. Между тем звучащий в речи Цицерона призыв фактически является калькой разводной формулы, которую произносил муж (*res tuas tibi habeto*). В данном случае необходимо обратить внимание на то, что в римском браке женщина обладала собственным имуществом, не попадавшим под власть ее супруга. В первую очередь это относится к приданому, обозначавшемуся латинским термином *dos*. Под ним, как правило, понималось определенное имущество, вносившееся домовладыкой будущей супруги, либо ею самой, либо третьим лицом. Это имущество в период брачных отношений находилось у мужа, однако в случае расторжения брака возвращалось супруге или ее семейству. По сути *dos* являлось выделом части фамильного имущества в интересах дочери главы семейства. При этом если сыновьям приходилось ждать смерти домовладыки, чтобы получить свою долю семейной собственности, то дочери получали ее еще при жизни отца.

Не является случайным и упоминаемый в тексте ключ (*clavis*), который муж отбирает у супруги. Как можно заметить, в тексте изъятие ключа явно связано с последующим «изганием» бывшей жены из дома, что не является случайным. Дело в том, что римский брак был не только патриархальным, но и виолокальным. Пребывание жены в доме мужа было обязательным атрибутом семейных отношений, влиявших на действительность брака. Законы XII таблиц, на которые ссылается Цицерон, сохранили любопытный институт, явно восходящий к архаическому периоду в истории римского права. Как сообщает римский юрист Гай, **законом XII таблиц было определено, что женщина, не желавшая установления над собой власти мужа [фактом давностного с нею сожительства], должна была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение [ею]** (*Inst.I.3*). В приведенном отрывке речь идет о том, что жена, проживая в доме мужа в течение года, автоматически

переходила под его власть. В данном случае семейные отношения уподоблялись отношениям вещного права, в связи с чем считалось, что домовладыка получал власть над женой, если осуществлял непрерывное владение ею в течение всего срока приобретательной давности. Данный способ приобретения собственности носил название *usucapio*, предполагая получение лицом свойства собственника в силу того, что это лицо добросовестно провладело вещь в течение определенного времени: для движимого имущества это был один год, для недвижимого два года. Как можно видеть, в данном случае жена рассматривается качестве движимого имущества, уподобляясь рабам или рабочему скоту, что по-своему логично, поскольку именно эти категории вещей находились под властью *pater familias*. В том случае, если жена не желала переходить под власть мужа, она должна была разорвать срок приобретательной давности, покинув его дом на трое суток, воспользовавшись правом «трех ночей». По ее возвращении срок начинал течь заново, что предполагало ежегодное повторение процедуры добровольного изгнания жены из семьи. Это еще раз показывает насколько важным с точки зрения права было проживание жены в доме мужа. Передача ключа, символизировавшего дом супруга, фиксировала фактическое завершение брачных отношений.

Наконец, следует обратить внимание на жанровую специфику изучаемого текста, который, хотя и содержит описание одной из норм Законов XII таблиц, не является юридическим источником. Как уже было отмечено, его автором был Цицерон, написавший в период с 44 по 43 гг. до н.э. четырнадцать речей, направленных против политического наследника Цезаря Марка Антония. В подражание афинскому оратору Демосфену, обличавшему в своих речах македонского царя Филиппа II, цикл Цицерона был назван «Филиппиками против Марка Антония». «Филиппики» Цицерона содержали элементы как диатрибы, так и инвективы – формы литературного произведения, призванной высмеять или обличить какое-то конкретное лицо или групп лиц. В той части второй филиппики, которая содержит упоминания о Законах XII таблиц, речь идет о взаимоотношениях Марка Антония и его сожительницы актрисы Кифериды. По условиям римского «семейного» права они не могли заключить законный брак, в связи с чем слова Цицерона, описывающего расставание Антония и Кифериды, следует рассматривать как своего рода пародию на развод со всеми его необходимыми атрибутами, содержащую изрядную долю иронии и даже сарказма. Отсюда эмоциональная окраска текста, создающая не всегда адекватное представление о реалиях римского брака и римской семейной жизни.

Чтобы не вырывать из контекста ставшее предметом анализа сообщение Цицерона, приведем полностью соответствующую главу второй «Филиппики».

Me quidem miseret parietum ipsorum atque tectorum. Quid enim umquam domus illa viderat nisi pudicum, quid nisi ex optimo more et sanctissima disciplina? Fuit enim ille vir, patres conscripti, sicuti scitis, cum foris clarus, tum domi admirandus neque rebus externis magis laudandus quam institutis domesticis. Huius in sedibus pro cubiculis stabula, pro conclavibus popinae sunt. Etsi iam negat. Nolite quaerere; frugi

factus est; mimulam suam suas res sibi habere iussit, ex duodecim tabulis clavis ademit, exegit. Quam porro spectatus civis, quam probatus! Cuius ex omni vita nihil est honestius, quam quod cum mima fecit divortium.

Мне жаль самих стен и кровли этого дома. В самом деле, что когда-либо видел этот дом, кроме целомудренных поступков, проистекавших из самых строгих нравов и самого честного образа мыслей? Ведь муж этот, отцы-сенаторы, как вы знаете, стяжал столь же великую славу за рубежом, сколь искреннее восхищение на родине, его действия в чужих странах принесли ему не большую хвалу, чем его домашний быт. И в его доме в спальнях — непотребство, в столовых — харчевня! Впрочем, Антоний это отрицает. Не спрашивайте его, он стал порядочным человеком. Своей знаменитой актрисе он велел забрать ее вещи, на основании законов Двенадцати таблиц отобрал у нее ключи, выпроводил ее. Какой он выдающийся гражданин отныне, сколь уважаемый! Ведь за всю его жизнь из всех его поступков наибольшего уважения заслуживает его «развод» с актрисой (пер. В.О. Горенштейна).

Таким образом, на основании всего лишь нескольких, вырванных из контекста, свидетельств, содержащих описание норм Законов XII таблиц, нельзя делать выводы о характере взаимоотношений внутри римской фамилии. Изменения в юридическом положении римской женщины в период Республики и Принципата имели исключительно положительную динамику, затронув такие важные области, как состояние подвластности, свободу развода, имущественную самостоятельность. Сложившаяся в римской фамилии модель отношений английский исследователь Р. Сэллер образно обозначил как «партнерский брак с неравным товариществом» (*companionate marriage with asymmetrical companionship*) супругов [5, p. 134]. Ко времени правления Августа римская женщина фактически обладала юридической независимостью в браке, что выглядит достаточно необычно по сравнению с положением женщины в других древних и средневековых обществах. Как отмечалось в литературе, образ доминирующей и исключительной маскулинности и патриархальности лишь искажает картину семейной жизни в Риме, поскольку является примером наложения юридических конструктов на социальную реальность [6, p. 126, 131]. Напротив, в историко-правовых исследованиях неоднократно подчеркивалось, что лишь дважды в истории человечества женщина столь близко подошла к юридическому паритету в правах с мужчиной – в древнем Риме и в Европе и Северной Америке Новейшего времени [7, p. 107; 8, с. 55–57].

Литература

1. Voigt, M. Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminalrechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten / M. Voigt. – Leipzig, 1883. – Bd. I–II.
2. Муромцев, С. А. Гражданское право древнего Рима : монография / С. А. Муромцев. – Москва : Типография А. И. Мамонтова и К°, 1883. – 730 с.
3. Смирин, В. М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян / В. М. Смирин // Культура древнего Рима. – Москва : Наука, 1985. – Т. 2. – С. 5–78.
4. Смирин, В. М. Римская «familia» и представления римлян о собственности / В. М. Смирин // Быт и история в античности : сборник статей. – Москва : Наука, 1988. – С. 18–40.

5. Saller, R. Household and Gender / R. Saller // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World / edited by W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. – Cambridge : [b.i.], 2008. – P. 87–112.

6. Garnsey, P. The Roman Empire: Economy, Society and Culture / P. Garnsey, R. Saller. – Oxford : University Of California Press, 1987. – 328 p.

7. Vigneron, R. The Emancipation of Women in Ancient Rome / R. Vigneron, J.-F. Gerkens // Revue Internationale des droits de l' Antiquité. – 2000. – Т. 47. – P. 107–121.

8. Квашнин, В. А. Римские женщины в политической жизни средней Республики / В. А. Квашнин // Адам&Ева: Альманах гендерной истории. – 2007. – № 14. – С. 50–71.

V.A. Kvashnin

**ROMAN *FAMILIA* IN THE REFLECTION OF THE LAWS OF THE TWELVE TABLES
(To Philipp. II. 28. of Cicero)**

The researcher analyzes one of the articles of the Laws of the Twelve Tables devoted to the divorce procedure. The key points under consideration are related to the specifics of the Roman *familia*, the property status of a woman in marriage, the semantics of the key (*clavis*) and the house (*domus*). Special attention is paid to the genre specifics of the source, which became the basis of Article 3 of Table IV of the Laws of the Twelve Tables.

Ancient Rome, Roman law, laws of the Twelve tables, *familia*, family law, Cicero.